

Очеловечивание «зверков» в детской литературе конца XVIII – начала XIX вв.

Олескина Елизавета Александровна

Студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия

То, как человек представляет себе животных, – существенная черта культуры, причем исторически изменчивая. Детская литература здесь показательна: она наверняка в большей степени, чем взрослая и оригинальная, свидетельствует о принятых этических нормах.

Образы «зверков» занимают в русской переводной литературе для детей конца XVIII – начала XIX вв. важное место. Иногда они условны и традиционны, иногда строятся на основе представлений самого автора. Единую картину, единую этическую систему увидеть здесь трудно. Животные предстают, грубо говоря, в трех разных жанрах, в трех видах.

Во-первых, в баснях они могут замещать людей. Ради аналогии с миром людей иногда происходит нарушение законов конструируемого мира, когда герои забывают, что они все же не люди (молодая муха говорит про старую муху: *Ну конечно, все старые люди ворчливы!*). Основное – мораль, произнесение которой часто доверяется самим «зверкам», и здесь правдоподобие нарушается ради дидактической выразительности (например, *молодой бык-лгун, пока волк жрет его, произносит: Ах, умираю... Как трудно бывает тем, кто обманывает других* [Шишков 1785]). Такое «очеловечивание» вполне условно.

Условности гораздо меньше в нравоучительных рассказах, где фигурируют – почти всегда в качестве жертв людских (детских) пороков и лишь изредка как «объект добродетели» – кошки, собаки, птицы. Так, забывчивость Софьюшки оборачивается для ее канарейки гибелью, недогадливый хозяин пристреливает свою верную собаку, сумевшую все же приползти умирать туда, где лежал оброненный хозяином кошелек с деньгами. Зато ягненок Бебе получает пищу и кров благодаря доброте девочки, вознагражденной впоследствии (*ягненок была овечка <...> и принесла несколько ягнят, от которых произошли другие, так что через пять лет у Парашки было до 15 овец* [Ильин 1809]). Здесь видно сочетание разных взглядов на мир – сентиментального, более позднего, и рационалистического, более раннего. Если в 1770-х Рохов (и вслед за ним Штой) считали необходимым четко пояснить маленьким читателям, что истреблять птиц и разорять гнезда просто не выгодно для человека (*Бог дал человеку такую власть над животными, что он может их умерщвлять на свою потребу*, однако не надо так делать, ведь это повлечет за собой неурожай и нашествие насекомых [Штой 1787]), то в 1780-х гг. подход меняется на этически обусловленный. Так, в рассказе Кампе «Канарейка» чучело умершей от голода птички всю жизнь вызывает у забывчивой Софьюшки муки раскаяния и стыда, а над убитой собакой ее хозяин проливает горячие слезы отчаяния [Шишков 1785].

Третий жанр – «естественнонаучные» описания; они были востребованы всегда и не только просвещали, но часто обладали притягательностью как развлекательное чтение. Кстати, именно «естественнонаучные» рассказы открывали наибольший простор и для авторских фантазий (в отличие от басен, которым по определению свойственна стабильность, и многих нравоучительных рассказов, кочевавших из сборника в сборник). Встречаются самые невероятные описания разнообразных зверей, от крысы до *ихнеумона, или ищии египетской*. Особые возможности представляет даже необходимость назвать необычных животных: переводчик может просто транслитерировать неизвестное ему латинское слово, аналога которому в русском языке нет (*Фурмикалео – некоторое насекомое, питающееся муравьями, но настоящего названия в русском языке не имеет*, «Нравоучительные разговоры»), а может изобрести свое (даже если в языке уже есть слово). Так, переводить *giraffe* как *верблюдопард*, а

zebre как *ослица полосатая* кажется более правильным, более понятным, точнее описывающим.

Хотя такие тексты должны давать прежде всего «научные» сведения (*Бобр есть животное двоякожизненное, имеющее четыре ноги, из коих две ноги псовые, а две гусиные, которыми гребет во время плавания...*), на самом деле в описании повадок, «характера» зверков бывает очеловечивание почти фантастическое. Интересно, что в разных книжках можно встретить вовсе противоположные характеристики одного и того же существа (в «Нравоучительных разговорах» о крысе говорится, что *вся ея страсть состоит в злости* и что *сия ярость <....> не дает ей согласно жить не только с животными другого рода, но и с подобными себе крысами*, а в «Истории зверей» – что *крысы любят общество и любят родивших их, особливо престарелых, промышляют им пищу и другими образами их питают*).

Напоследок об одной странности: особое место отводится «червячкам», количество посвященных им страниц превосходит описания млекопитающих и птиц вместе взятых. «Червячок», т. е. просто гусеница, – чудо природы (*В их теле есть запасной анбарчик, в котором они находят столько паутины, сколько им надобно. <...> Поевши несколько времени, заготавливают сами себе гроб, в который ложатся и становятся будто мертвые...*). Показателен такой диалог: – *Маминька, а вы еще много будете нам говорить о червяках?* – *Об них столько много можно говорить, свет мой, что один ученый натуралист написал целую книгу об одном только роде червячков («Нравоучительные разговоры»)*. Может быть, интерес к червячкам определен как раз тем, что только они в детской литературе почти никогда не сопоставляются с людьми; только в конце одного рассказа девочка восклицает: *Мы счастливее! Эти червячки из яиц выпадают, не могут видеть матерей своих, а мы, напротив, имеем это удовольствие*.

Литература

Шишков А.С. Детская библиотека. СПб., 1785.

Ильин Н.И. Друг детей. М., 1809.

Штой З. Золотое зеркало. СПб., 1787.

Нравоучительные разговоры, драмы и сказочки, служащие к просвещению благородного юношества обою пола. 1791.

История зверей, содержащая изображение их свойств, также симпатий и антипатий, с приобщением по приличию нравоучений, касающихся к исправлению нравов человеческих. СПб., 1774.